

Быт человека как важнейшая составляющая культуры

Муратова Е.Ю., Малышева К.И.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Культура имеет самые разные роли в человеческом обществе и затрагивает разные его сферы: это духовная культура, материальная, массовая, социальная, культура потребления, культура быта и т.д. Быт – особая сфера жизни и культуры общества.

Цель статьи – показать особую художественную роль бытовых деталей в творчестве Ю. Трифонова и Э. Елинек.

Материал и методы. *Материалом исследования является творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек.*

Использовались описательный, сравнительный методы и метод филологического анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение. *В статье изучается специфика бытовой сферы в творчестве советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек, представляющие в своих произведениях разные экономические, идеологические, социальные системы двух стран.*

Кратко описываются особенности русской и австрийской литературы 1950–1990-х годов; значимость художественных произведений исследуемых авторов, сходство тематической наполняемости их произведений: проблематика семьи, рода, пола, болезни, бедности.

В работе анализируются сходства и различия микрополей «Еда и напитки»; «Домашняя обстановка»; «Кухонная утварь»; «Одежда», которые раскрывают внутреннюю социальную жизнь СССР и Австрии, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Заключение. *Таким образом, бытовой дискурс в исследуемых художественных произведениях позволяет раскрыть и понять очень многое в истории, жизни, культуре нации: бедность или богатство, материальную культуру, особенности национального питания, специфику отдыха, приверженность национальным традициям, которые формируют национальный характер русского и австрийца.*

Ключевые слова: *культура, быт, повседневность, СССР, Австрия, социальная жизнь, Ю. Трифонов, Э. Елинек.*

(Ученые записки. – 2024. – Том 40. – С. 137–142)

Human Everyday Household Activities as a Most Important Component of Culture

Muratova E.Y., Malysheva K.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Culture has a variety of roles in human society and affects its different spheres; they are spiritual culture, material culture, mass culture, social culture, consumer culture, culture of everyday life, etc. Household activities is a special sphere of life and culture of society.

The purpose of the article is to show the special artistic role of everyday details in the works of Y. Trifonov and E. Jelinek.

Material and methods. *The material is the work of the Soviet writer Y. Trifonov and the Austrian writer E. Jelinek.*

The descriptive, comparative methods and the method of philological analysis of the artistic text were used.

Findings and their discussion. *The article studies the specificity of everyday life in the works of Soviet writer Y. Trifonov and Austrian writer E. Jelinek, who represent in their works different economic, ideological and social systems of the two countries.*

The features of Russian and Austrian literature of the 1950–1990s are briefly described; the significance of the artistic works of the authors under study, the similarity of the thematic content of their works: the problems of family, kin, sex, illness, poverty.

The article analyzes the similarities and differences of the microfields “Food and drinks”; “Home furnishings”; “Kitchen utensils”; “Clothes”, which reveal the internal social life of the USSR and Austria, and through which serious social problems are revealed and described (wealth, poverty, ability to overcome difficulties, traditions, etc.).

Conclusion. *Thus, everyday discourse in the studied fiction works allows to reveal and understand a lot of things in the history, life, culture of the nation: poverty or wealth, material culture, peculiarities of national food, specificity of recreation, adherence to national traditions that form the national character of Russian and Austrian.*

Key words: *culture, life, everyday life, USSR, Austria, social life, Y. Trifonov, E. Jelinek.*

(Scientific notes. – 2024. – Vol. 40. – P. 137–142)

Если понимать под культурой «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [1, с. 5], то становится понятным наш интерес к предметам быта как результату деятельности человека – его бытовым ценностям.

Понятие культуры очень широко и разнообразно в своих определениях. Даже между природным и культурным границы достаточно размыты и неустойчивы. Камень, лежащий на дороге, – явление чисто природное, не связанное с культурой человека, но тот же камень, положенный на могилу в качестве памятника, – уже явление человеческой культуры, ее простейший символ как круг или крест. Культура имеет самые разные роли в человеческом обществе и затрагивает разные его сферы: это духовная культура, материальная, массовая, социальная, культура потребления, бытовая культура и т.д.

Цель статьи – показать особую художественную роль бытовых деталей в творчестве Ю. Трифонова и Э. Елинек.

Материал и методы. Материалом статьи служит творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек. Использовались описательный, сравнительный методы и метод филологического анализа художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Быт – особая сфера жизни и культуры общества. Это повседневный уклад жизни человека, в котором удовлетворяются его физиологические потребности, это его «вещный мир»: жилище, имущество, мебель, утварь, посуда; одежда, украшения и под. В свою очередь, вещь – это «ограниченный в пространстве и времени макрообъект, которому целенаправленной человеческой деятельностью придана определенная структурная организованность, внутренняя и внешняя форма. Вещь – это изготовленный человеком предмет, предназначенный удовлетворять те или иные человеческие потребности» [2, с. 105]. Но вещи – это не только предметы удовлетворения потребностей, это также и способ обращения с ними, и собственно сам состав «вещного мира». Так, в Древней Греции и Риме рабы считались вещами, в крепостной России крестьян продавали как вещи, в современных судебных процессах домашние животные определяются как имущество, а в самолетах и поездах их проезд оплачивается как багаж.

«Однако быт – это не только жизнь вещей, – как пишет Ю.М. Лотман, – это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий,

характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Связь этой стороны быта с культурой не требует пояснений. Ведь именно в ней раскрываются те черты, по которым мы обычно узнаем своего и чужого, человека той или иной эпохи, англичанина или испанца» [3, с. 12].

Особую роль бытовые детали играют в художественной литературе, поскольку через них реально предстает жизнь и характер героев художественного произведения во всех их физических, психических, эмоциональных, пространственно-временных проявлениях. Кроме того, как подчеркивал У. Эко, внутри повседневности как знаковой системы бытийное объединено с бытовым, и в этой системе заключен культурный код семьи, группы, народа, страны [4, с. 66]. И это естественно, поскольку каждая нация зависит от очень многих и разных условий: исторической судьбы, географических и климатических условий, своей профессиональной ориентации (растит верблюдов, баранов, рис, бананы или добывает золото и уголь и под.), существует среди гор или долин, на севере или юге.

Но это, безусловно, не отменяет существования в бытовой сфере общечеловеческих традиций, имеющих общее предназначение, хотя и облеченных в национальные «одежды»: свадьба, рождение ребенка, похороны и под.

Особенно интересно проанализировать и сравнить художественную роль повседневности в разных лингвокультурах, в разных языках и социумах. На этот предмет мы проанализировали творчество советского писателя Ю. Трифонова и австрийской писательницы Э. Елинек, представляющие в своих произведениях разные экономические, идеологические, социальные системы двух стран. Но объединяет творчество этих писателей описываемое ими время (50–90-е годы XX века), литературные герои (в большинстве – простые деревенские и городские люди), внимание к бытовым деталям, точно и емко передающим свое время, дух эпохи, который был сложным и противоречивым как в Советском Союзе, так и в Австрии и во всей Европе.

Все это нашло отражение в произведениях художественной литературы многих авторов в СССР и Австрии.

Русская литература в 1950–1990-х годах развивалась неравномерно, чутко откликаясь на политическую ситуацию в стране. В 50-е годы в советской литературе сильнее всего был выражен героико-патриотический аспект. Писатели фронтового поколения (Г. Бакланов, В. Быков, В. Богомолов, Ю. Бондарев)

в своих произведениях отражали сложный трагический ход войны с предельной правдой, во всей трагедии.

После смерти Сталина стала медленно изменяться ситуация в стране, и как следствие – в культурной жизни государства. Это время характеризуется публикацией некоторых ранее запрещенных авторов; возникают новые литературные объединения, появляются новые молодые и талантливые поэты и писатели (Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, Р. Рождественский и др.). Наблюдается относительная свобода творчества и заметная гуманизация литературы (интерес к личности, внутреннему миру человека, вечным вопросам), возникает новое поколение, называющее себя «шестидесятниками».

В начале 60-х годов возникло понятие «деревенская» проза. Через поэзию крестьянского труда писатели показывали естественный ход здоровой жизни, раскрывали внутренний мир человека, живущего в ладу и гармонии с природой.

В это же время появляется качественно иная литература. С середины 60-х годов начинают издаваться поэтические книги М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Ахматовой и др., публикации произведений мировой литературы XX в.

Специфика австрийской литературы 50–90-х годов связана с историей Австрии в первой половине XX века. Послевоенные темы и сюжеты австрийской прозы вначале были очень безысходные, а затем писатели стали поднимать вопросы о коллективной вине, о всенародном покаянии, о причинах австрийского антисемитизма и нацизма.

Для австрийской литературы 60-х гг. характерны такие темы, как жестокие принципы воспитания детей и подавления индивидуальности, бесправие и беспросветность существования наемных рабочих и батраков.

В 1970 году государство объявило о новой культурной политике и поддержке «живой» литературы, отражающей современные тенденции и реалии. Свообразным признаком австрийского социума стал расцвет в 80-е годы женской литературы. На это время приходится и пик расцвета литературы о детях и детских годах, которая пытается разобраться, кто же они такие – австрийцы.

Исследование творчества Ю. Трифонова и Э. Елинек представляет несомненный научный интерес. Он обусловлен, во-первых, значимостью указанных произведений в мировой и национальной литературе: Юрий Валентинович Трифонов – родоначальник городской/московской прозы как литературного направления, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951), претендент на Нобелевскую премию в области литературы.

Эльфрида Елинек – лауреат Нобелевской премии 2004 года по литературе, лауреат премии Генриха Бёлля, премии Георга Бюхнера, премии Генриха Гейне, чешской премии Франца Кафки.

Оба писателя имеют сходные черты: их творческая деятельность формировалась в общем историческом пространстве (послевоенное время), которое повлияло на становление и развитие идиостилей писателей. Ю. Трифонова и Э. Елинек объединяет социализм, базирующийся на вскрытии социальных проблем посредством изображения жизни простого человека, социально-психологический и духовно-нравственный поиск писателей.

Оба автора выражают особый взгляд на исторические, политические события поствоенного времени, соотносят злободневные вопросы, касающиеся конкретных реалий советской и австрийской жизни с общепрофессиональными проблемами, проблемами бытия, обнажают социальные и гендерные проблемы, рисуют бытовое пространство простых жителей своих стран. Похожа тематическая наполняемость их произведений: это проблематика семьи, рода, пола, болезни, бедности – центральная для всех произведений Ю. Трифонова и Э. Елинек (романы Ю. Трифонова «Дом на набережной», «Время и место», «Долгое прощание», у Э. Елинек – «Пианистка», «Перед закрытой дверью», «Похоть» и др.).

Художественное описание бытовых деталей играет смыслопорождающую и текстообразующую роль, вырисовывая уклад жизни, социальное устройство общества и национальные особенности народа. При помощи бытовых артефактов в произведениях Ю. Трифонова и Э. Елинек выявлены особенности культуры питания, одежды, мебели, отношение к быту у советских и австрийских людей в 50–90 гг. XX в., которые раскрывают внутреннюю социальную жизнь СССР и Австрии, а через нее вскрываются и описываются серьезные социальные проблемы (богатство, бедность, способность преодоления трудностей, традиции и под.).

Лексико-семантическое поле «Быт» в творчестве Ю. Трифонова включает 4 главных микрополя: «Еда и напитки»; «Домашняя обстановка»; «Кухонная утварь»; «Одежда». В творчестве Э. Елинек лексико-семантическое поле «Быт» включает 4 главных микрополя: «Еда и напитки», «Десерты», «Домашняя обстановка», «Одежда». Особую специфику в ее творчестве имеет лексико-семантическое микрополе «Заведения общественного питания и отдыха (кафе)».

В творчестве обоих писателей наблюдается почти полное совпадение по составу, характеру номинации, названиям, грамматическому оформлению микрополей «Домашняя обстановка», которые включают прежде всего мебель и мелкие предметы домашнего обихода. Объясняется такое сходство, на наш взгляд, одинаковой универсальной функцией мебели у всех цивилизованных народов: на чем спать, сидеть, куда вешать одежду, класть белье, ставить посуду и под. Многие названия предметов мебели в Европе являются французскими заимствованиями, а потому представлены одинаковыми лексемами во многих индоевропейских языках, в том числе в русском и немецком: *буфет, бюро, комод, кушетка, секретер,*

сервант, софа, табурет, трельяж, трюмо, туалет, этажерка и др. Конечно, у Ю. Трифонова встречаются чисто русские реалии, например, *лавка*, но в целом названия мебели у него и Э. Елинек совпадают. При этом наблюдается и грамматическое сходство: все названия домашней обстановки у писателей представлены конкретными существительными.

Домашняя обстановка в произведениях Ю. Трифонова представляет собой весьма разрозненные предметы мебели, что во многом зависело от состояния и положения человека в обществе, а также места жительства – города или деревни. Также весьма большое значение имело конкретное место проживания советской семьи: в бараках, коммуналке или в квартире в сталинском доме. В советские времена в разряд «средняков» можно отнести интеллигенцию (прослойку «между молотом и наковальней»), военных, чиновников среднего уровня, хорошо оплачиваемых инженеров и т.п.

Предметы мебели в среднем представляли собой *раскладной стол, ореховую горку, овальный столик, стулья, этажерки, кресло, кровать, топчан, оттоманку, ковровую кушетку или тахту, секретер с откидной доской и др.* В избе самое важное место занимала *русская печь, печь-голландка*, без которой жизнь в деревне, да и в городских деревянных постройках была немислимой. Обстановка небогатого класса сводилась к скромной мебели компактного размещения, но жильё содержалось, как правило, в строгой чистоте.

Например, в романе Ю. Трифонова «Дом на набережной» через элементы мебели в доме профессора мы можем представить не только обстановку в квартире, но вкусы, материальное положение, предпочтения хозяина квартиры, его своеобразный классический консерватизм. В такой квартире, безусловно, есть богатая библиотека, картины, статуэтки, тяжёлые шторы на окнах:

Глебов сел в кожаное темно-вишневое кресло, такое мягкое, что он сразу как будто провалился в яму и слегка испугался (Дом на набережной) [5, с. 323].

Глебов сидел в профессорском кабинете на диванчике с твердой гнутой спинкой из красного дерева – тогда такие диваны продавались, как дрова, в скупочных магазинах, а нынче попробуй найди за любые деньги [5, с. 331].

Пока Куник собирал бумаги, Глебов сидел на пуфике и оглядывал комнату [5, с. 406].

Он разлегся, как обычно в минуты усталости, на тахте, покрытой ковром [5, с. 427].

Сказали, что можно взять стол, пока еще неизвестно где, сие есть тайна, но указали концы – антикварный, с медальонами, как раз к стульям красного дерева [5, с. 285].

И наоборот, по деталям обстановки в другой ситуации мы легко угадываем экстравагантность и творческую индивидуальность хозяина:

И вот в детской, заставленной какой-то странной бамбуковой мебелью, с коврами на полу, с висящими

на стене велосипедными колесами и боксерскими перчатками, с огромным стеклянным глобусом, который вращался, когда внутри зажигалась лампочка, и со старинной подозрительной трубой на подоконнике, хорошо укрепленной на треноге для удобства наблюдений, – Левка сказал, что вечерами можно прекрасно проводить время [5, с. 305].

У Э. Елинек удивительное понимание женской психологии. Казалось бы, на единичном примере изрезанного кухонного передника и нежелания мужа иметь в доме швейную машинку она раскрывает всю сложность отношений между мужчиной и женщиной, мужем и женой, родителями и детьми, противоречивость социальных ролей в семье, достаточно унижительное положение женщины:

Сегодня, к примеру, такая вот ситуация: мама ищет у деток утешения, ведь отец только что нарочно искромсал ножницами новенький, с иголки, передник из премиленьких, в пестренький цветочек, лоскутков, остатков с распродажи: она собственными руками его сострочила на швейной машинке, купленной в рассрочку. Безо всякого таланта к шитью, но с большим тщанием. Ис с радостью, что делаешь что-то своими руками. Самодельное чаще всего более прилежно сработано и лучше по качеству, чем покупное, потому что ведь всегда знаешь и что, и где, и как, и чем, а в готовой вещи ничего не угадаешь. <...> Вот мамуля и сэкономила уйму денег благодаря своему трудолюбию, а папуля возьми да изрежь все, причем совершенно осознанно. Он, видите ли, принципиально против, чтобы в доме швейная машинка была [6, с. 45].

Второе микрополе, в чем-то совпадающее в произведениях Ю. Трифонова и Э. Елинек – это «Еда и напитки». Хотя совпадает очень немногое: *хлеб, вода, пиво, ликер* и нек. др. Если советские люди (особенно в послевоенное время и 50-е годы) не могли себе позволить есть мясо каждый день и даже раз в несколько дней, то кухня Австрии, как показывают романы Э. Елинек, всегда отличалась большим разнообразием блюд из овощей, мяса, рыбы, колбасных изделий, окороков, сарделек, сосисок.

Основные продукты питания в СССР в описываемый период, которые упоминает Ю. Трифонов: *солёные огурцы, картошка в мундирах, винегрет, щи, окрошка, пироги с капустой, калачи и др.* Еда и напитки в австрийской кухне: *die Fridatten-oder Leberknödelsuppe* (суп с фрикадельками из телячьей печени, суп с клецками), *das Kalbs-oder Schweinsschnitzel* (телячий или свиной шницель), *eine mit Kastanien und sonstigem angefüllte Ente* (утка, фаршированная каштанами и прочей начинкой) и др.

В России питание в описываемый период было в основном традиционно русским. Конечно, это был не XIX век, когда в реках и озерах было огромное количество разнообразной рыбы, а в лесах – множество зайцев, лис, кабанов, лосей и под. Но еще не наступил и XXI век с безжалостной вырубкой лесов

и исчезновением многих видов животных. Городские и особенно деревенские жители традиционно собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. Делали на зиму многочисленные заготовки: сушили грибы, малину, сухари, варили варенье, солили огурцы, квасили капусту, терли чернику и смородину с сахаром. Названия еды в произведениях Ю. Трифонова показывают, с одной стороны, национальные предпочтения (для русских людей невозможно представить еду без соленых огурцов, квашеной капусты, щей и под.), но с другой стороны – это явно разный экономический, несопоставимый с австрийским уровень жизни: русских во многом всю жизнь кормила земля (картофель, капуста, щавель, грибы, рыба), у австрийцев, даже после войны пища была, как видим, гораздо более изысканна.

Особый интерес при нашем анализе играет семантическое поле австрийских кондитерских изделий. Австрийцы по праву гордятся своими десертами. Нигде в мире кондитерские изделия не играют такой важной роли в повседневной жизни, как у австрийцев.

Среди десертов выделяются *сливовый торт с лесным орехом, ванильная баба и штолен*. Разумеется, это также знаменитый *яблочный штрудель (der Apfelstrudel)*. Казалось бы, незамысловатое и известное во всем мире блюдо, но оно занимает крайне важное место в австрийской кулинарии. Этот десерт также появляется на страницах романа «Пианистка» Э. Елинек: *“Im Palmen haus café wirdersich eine Melangeundeinen Apfelstrudeldazubestellen”* – (В кафе «Пальмовый домик» он закажет себе кофе со взбитыми сливками и яблочный штрудель – перевод А. Белобратова).

В своем повествовании Э. Елинек упоминает известнейший любому австрийцу *Линцкий торт (нем. Linzer Torte, Linzertorte)*. Этот десерт знают и как *Линцкий торт, торт «Линц», миндальный пирог*. Это австрийский торт или пирог с джемом, основу для теста которого составляет рассыпчатая мука и миндальное масло. Характерная особенность пирога – замена верха тонкой решеткой из теста.

Из австрийской выпечки Э. Елинек упоминает *Semmel (булочки), Kirferln (ванильные полумесяцы, рогалики), der Guglhupf (кекс, баба – блюдо венской кухни)* в романе «Любовницы», когда девушки старались у себя дома угостить своих ухажеров чем-либо вкусным, проявляя тем самым свои чувства и долг хорошей хозяйки.

Интерес читателя может вызвать слово *die Bonbonniere*, встречающееся в текстах Э. Елинек и означающее «конфетный набор», «красиво оформленная коробка конфет». Согласно словарю О.И. Москальской первое значение данного слова – «бонбоньерка» и второе – «фасон дамского чепца». Слово полностью заимствовано из французского языка (*bonbon – конфета, сладости, la bonbonnière – вазочка для конфет, конфетница*), следовательно, смысл слова *die Bonbonniere* автор передает как конфеты в вазочке, то есть, оформленные в конфетную композицию.

Однако следует отметить, что автор не воспользовалась ни одним синонимичным немецким словом вроде *die Schachtel Pralinen* либо *Konfektschachtel* (коробка шоколадных конфет).

Читатель не только узнает специфику приготовления австрийских блюд и напитков, но, самое главное, через описания и названия блюд, ситуацию – как, где, кем они готовятся, праздничные или будничные, Э. Елинек раскрывает, углубляет, делает по-настоящему живыми образы своих героев. Такой подход к анализу десертов и напитков традиционной австрийской кухни позволяет углубить и художественно достоверно помочь раскрыть образы героев через их привычки, бытовые мелочи, любимые блюда, точнее понять и сюжет произведений, и глубинный замысел автора.

В бытовом поле Э. Елинек выделяется особая лексико-семантической группа – кафе. Идея венской неторопливости находит выражение в многочисленных кафе-мороженох (*der Eissalon*), кофейнях (*das Kaffeehaus*), трактирах и харчевнях (*das Gasthaus, das Gasthof, die Gaststätte, das Wirtshaus*), дорожных ресторанчиках (*die Raststätte*), закусочных (*der Schnellimbiss*), кафе-ресторанах (*das Caférestaurant*), ресторанах в саду (*das Gartenlokal*) и на террасе (*das Terrassenrestaurant*), где обыватели сидят часами и никуда не торопятся.

Автор передает мысль о «приятном уюте привычного удовольствия», что является характерной чертой венских кафе и ресторанчиков. Венская кофейня подчиняет повседневную жизнь австрийцев особому ритму, в котором все стремится к покою. Сюда приходят, чтобы не только поесть и выпить кофе, но и почитать, поиграть в мини-гольф, бильярд, вести неторопливый разговор и обсудить актуальные темы. При этом само кафе становится для многих австрийцев вторым домом. Например: *«„Gestalten IHRES Alters lagern in der schönen Ruhe der Gewohnheit vor Nierentischen mit gläsernen Kelchen, in denen lange Löffel wippen, diese Stengel kühler Blumen. Braun, gelb, rosa. Schoko, Vanille, Himbeer»* [7, с. 58] – *«Посетительницы одного с НЕЮ возраста, наслаждающиеся приятным уютом привычного удовольствия, восседают за овальными столиками перед стеклянными бокалами, в которых плавно покачиваются длинные ложечки, словно стебли замерзших цветов. Коричневое, желтое, розовое. Шоколадное, ванильное, малиновое – перевод А. Белобратова»* [8, с. 91].

Ничего подобного в Советском Союзе в это время не было ни в плане материального существования подобных кафе, ни в плане традиции их посещения и времяпровождения. В СССР функционировали столовые, в которых преобладал комплексный обед из трех блюд, и люди приходили в них именно поесть недорого, а не сидеть часами, тем более, что дешевая и часто не очень аккуратная обстановка в таких столовых не располагала к долгому сидению. В редкие и дорогие для простого советского человека рестораны попасть

было очень затруднительно, где каждый охранник и официант был начальником, поэтому и привычки, а тем более традиции так проводить время в кафе у советских людей не было.

Необходимо отметить разный подход к анализу бытовых деталей у Ю. Трифонова и Э. Елинек. Если учесть, что Ю. Трифонов описывает время, когда во всем Советском Союзе был дефицит всего, особенно после войны, то внимательный взгляд автора на, казалось бы, мелочи быта весьма объясним. Тарелки, стаканы, рюмки, подносы и под. «добывались» советскими людьми с большим трудом. Почти в каждой семье была специальная посуда для гостей к празднику, которой не пользовались в повседневной жизни, берегли. Для Э. Елинек бытовой дискурс в отношении посуды достаточно безразличен. Эта часть быта австрийцев, также как и одежда, имели для нее мало значения: в стране все было доступно (а, может быть, в силу личности автора), эта часть быта для Э. Елинек была малоинтересна.

Заключение. Таким образом, Ю. Трифонов и Э. Елинек открывают читателю два совершенно разных мира – советский и австрийский; чисто бытовые, конкретные детали жизни русских и австрийцев показывают огромную разницу между народами. Бытовой дискурс в художественных произведениях позволяет раскрыть и понять очень многое в истории, жизни,

культуре нации: бедность или богатство, материальную культуру, особенности национального питания, специфику отдыха, приверженность национальным традициям, которые формируют национальный характер русского и австрийца.

Литература

1. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 253 с.
2. Безмоздин, Л.Н. Культурно-социологический анализ вещи / Л.Н. Безмоздин // Вопросы социологии искусства. – М.: Наука, 1979. – С. 104–127.
3. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.
4. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
5. Трифонов, Ю.В. Рассказы. Повести. Роман. Воспоминания. Эссе. / Ю.В. Трифонов. – Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1999. – 752 с.
6. Елинек, Э. Перед закрытой дверью / Э. Елинек. – СПб.: Симпозиум, 2008. – 384 с.
7. Jelinek, E. Klavierspielerin / E. Jelinek. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1986. – 285 S.
8. Елинек, Э. Пианистка / Э. Елинек. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 448 с.

Поступила в редакцию 09.09.2024